

28.10.03

Стивен Петронио

Танец поехавших крыш

Стивен Петронио выступил в Москве

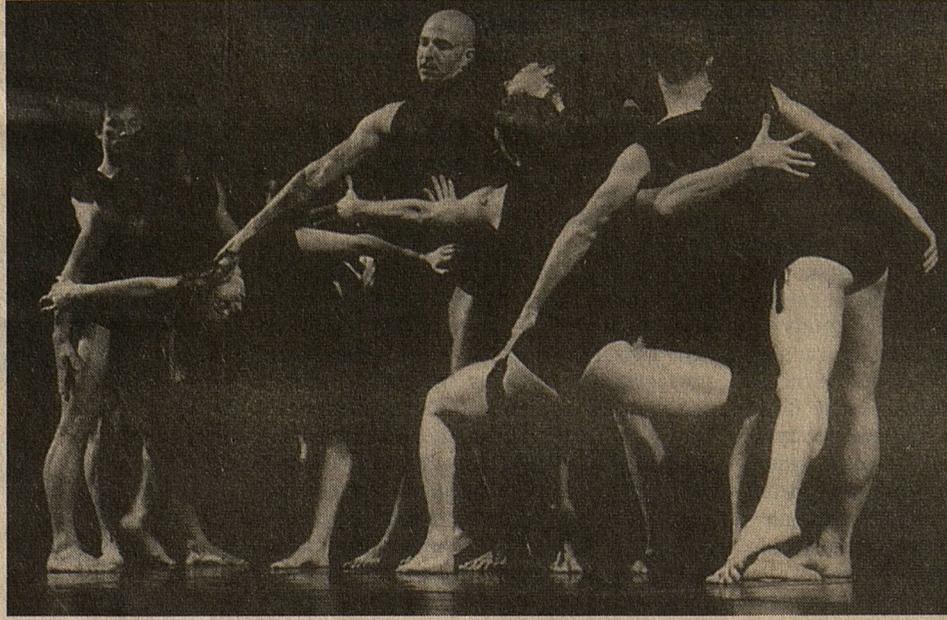
Коммерсантъ - 2003. - 28 окт. - с. 21.

фестиваль танец

В рамках фестиваля DanceInversion в Новой опере выступила Stephen Petronio company — труппа одного из столпов американского постмодернизма Стивена Петронио. ТАТЬЯНА КУЗНЕЦОВА сочла, что постмодернизм постмодерниста больше не интересует.

Труппа Стивена Петронио скоро отпразднует 20-летний юбилей — по американским меркам возраст более чем почтенный. Ее основатель был первым мужчиной-танцовщиком в компании знаменитой Триши Браун, той самой, которая устраивала перформансы на крышах нью-йоркских небоскребов, на Великих озерах, на лужайках в Центральном парке и дотошно изучала работу человеческого тела в условиях «экстремалки». Стивен Петронио пришел в ее труппу, когда научная работа на природе была закончена и добытый материал хореография перенесла в тепличные условия обычной сцены. Возможно, поэтому ни экстремальным радикализмом, ни лабораторным занудством его работы не отличаются.

Конечно, они бессюжетные и основаны на «чистом» танце — опуститься до рассказывания истории современный американский хореограф себе позволить не может. Конечно, в этих работах решается масса абстрактных задачек: и по способам освоения пространства, и по методике сохранения равновесия, и по кинетическим свойствам движения тел. И даже к сути постмодернизма Стивен Петронио оказывается ближе, чем сама основательница направления. В его спектаклях куда больше лексических и тематических заигрываний с прошлым: в асимметрии композиций явственно проглядывает Мерс Каннинггам с его принципом случайности, в

Если бы Стивен Петронио (в центре) жил в России, он танцевал бы под оруджавское «Возьмемся за руки, друзья» ФОТО МИХАИЛА ГУТЕРМАНА

лексике проступает спародированный Балланчин, экспрессия тел намекает на Алвина Эйли. Но собственный голос хореографа преобладает все формальные языки — балеты его печальны и очень интимны.

Иногда исповедальную интонацию хореограф маскирует черноватым юмором. В миниатюре «Прелюдия» шеренга голоногих танцовщиков, выстроившихся на авансцене плечом к плечу, всеми способами пытается сохранить единство и стройность — и расползается как перебродившее тесто: тела текут, ноги не держат, головы падают, руки переплетаются своевольными лианами. В новейшем «Острове негодных игрушек» мужчи-

ны в ребячьих цветных пижамках и женщины в девчоночьих платьицах пытаются справиться с «неуправляемыми» конечностями. Псевдоклассические антрапа, исковерканные сиссоны, покателенные jete en tournant, изуродованное адажио на пуантах — стихия беспельного движения кружит человечков по сцене, сбивает в группки, пары, трио, и каждый тщетно пытается найти себе место и партнера в этом всеобщем мельтешении.

В «Городе поехавших крыш» на сцену вступает Нью-Йорк: в проекциях дизайнера Кена Табачника прочитываются то жалюзи закрытых окон, то наружные лестницы домов, то парадный вид светящихся не-

боскребов, то сказочный месяц среди звезд. В монологах персонажей узнаются местные типы: вудиалленовский невротик, усталая работница панели, узкоглазый трудоголик, томящаяся феминистка из «Секса в большом городе». Кто-то с кем-то оказывается вместе, кому-то удается остановить мгновение — синхронный заторможенный дуэт на полу среди моторной жизнедеятельности окружающих вносит в спектакль редкую для Стивена Петронио мечтательную ноту. Впрочем, ненадолго: в «Городе поехавших крыш» счастья нет, как нет и подлинного сумасшествия, только тихое отчаяние, квинтэссенцией которого становится блистательный финальный монолог бродяжки в живописных лохмотьях. Сам Стивен Петронио грянул стариной в довольно патетическом соло «Сломленный человек». Как и все, что создано после 11 сентября, монолог приурочен к нью-йоркской катастрофе. Человек в пиджаке, одетом на одну руку, следует реакциям своего тела. Минималистское начало (первую минуту ноги танцовщика не отрываются от пола — двигаются лишь голова, руки и корпус) развивается в экспрессивный этюд с конвульсивными выбросами батманов, выкручиванием суставов, резкими поворотами, усложненными отчаянными gonde de jambe, и финальным бессильным угасанием. Похоже, несмотря на обнадеживающую творческую активность (все показанные спектакли поставлены в последние два года), чувствительный Стивен Петронио не ждет от жизни ничего хорошего: свой «постмодернизм» он оставил на откуп эстетствующим рецензентам, а сам неустанно оплакивает время, когда команда Триши Браун бодро лазила по крышам нью-йоркских небоскребов, рухнувших в один день.